

Газета ежедневная, кроме понедельниковъ.

VIII-й г. изданія.

Иркутскъ. Среда, 2 іюля 1914 года

# СИБИРЬ

Подписная цѣна: внутри Имперіи: на годъ съ пересылкой и доставкой на домъ—9 руб., на полгода—5 руб., на три мѣсяца—3 р., на 1 мѣсяць—1 р. За границу: на годъ—14 р., на  $\frac{1}{2}$  года—8 р., на  $\frac{1}{4}$  года—5 р., на 1 мѣсяць—2 р. Подписка для городскихъ подписчиковъ принимается съ 1 и 15 каждого мѣсяца, иногородныхъ же—только съ 1 числа. За перемѣну адреса—40 к. Разорочна годовою платою не допускается.

Цѣна объявленій: за строку петита: впереди текста—20 к., позади текста—10 коп; иногородныя объявленія за строку петита: впереди текста—30 к., позади текста—15 к., объявленія прислуги и рабочихъ—20 к. за 3 строки. Подписная плата и плата за объявленія марками и въ кредитъ не допускается. За предлагаемыя къ газетѣ летучки-объявленія въ Иркутскѣ—5 руб., иногороднымъ—7 руб. за каждую тысячу экземпляровъ вѣсомъ не болѣе одного листа.

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Зяцманъ, Большая улица.

По дѣламъ редакціи можно обращаться въ помѣщ. ред. отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней.

Присылаемыя въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа, съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Контора газеты открыта съ 9 ч. утра до 5 ч. вечера. Телефонъ редакціи и конторы газеты № 431. Телефонъ редактора № 356.

Срочныя объявленія послѣ 5 ч. веч. могутъ быть отдаваемы въ типографію И. П. Казанцева. Телефонъ типографіи № 297.

Цѣна номера въ розничной продажѣ—5 коп.

Объявленія на всѣхъ мѣстахъ и странах принимаются непосредственно въ конторѣ газеты въ Иркутскѣ, а также въ конторахъ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К° (Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Маршалковская, № 130; Петербургъ—Б. Морская, 11; Вильна—Большая, 38; Лодзь—Петроковская, № 102).

24712

Не простые десять летъ человеческой жизни прошло съ того яснаго солнечнаго дня, когда умеръ онъ. И могли онъ смести и его, какъ смели многихъ прежнихъ влѣстителей думъ. Но не смели. Не смели, потому что въ творчествѣ, обяательно-грустномъ и ироническомъ, любящемъ и сѣтующемъ,—въ творчествѣ его живетъ непреходящее, такое, что не умираетъ съ эпохой, что спокойно и утѣренно идетъ изъ десятилѣтій въ десятилѣтія, игнорируя всякіе бури и вѣтиски.

Сколько лозунговъ, феерверкомъ вспыхнувшихъ, сгорѣло безслѣдно въ это десятилѣтіе! Но не все прошло безслѣдно въ это десятилѣтіе! Но не все прошло безслѣдно. Не безслѣдно провозглашались они: эти эфемериды внесли что-то въ нашу запросъ къ искусству. И кромѣ нихъ, вѣдь, родились и иные лозунги, нашедшіе свое оправданіе и выдвигнушіеся въ жизнь, въ искусство, въ творчество. И не можемъ мы сказать, что наше отношеніе къ искусству и къ его задачамъ теперь таково же, какъ десять лѣтъ назадъ. Нѣтъ, не можемъ. Многое здѣсь измѣнилось, очень многое. Но именно теперь мы начинаемъ подходить къ нему близко, ощущаемъ въ себѣ потребность изучать его, находить въ немъ то, что не было нами замѣчено раньше.

Развѣ не показателемъ возврата—нѣтъ, даже не возврата, потому что отъ него никогда не отходила,—а вторичною подождемію къ Ант. Чехову—это любовное тяготѣніе къ изученію его личности, проявленное въ послѣдніе годы изданіемъ его писемъ, мелкихъ замѣтокъ, забытыхъ произведеній, записныхъ книжекъ и пр. пр.!

Это тяготѣніе къ Чехову можно истолковать сумерками, вѣнешними надъ нашей русской жизнью. Хмурыхъ людей описывалъ Ант. Чеховъ, тоскующихъ по свѣтлой жизни, которая придетъ, хотя бы и черезъ двѣсти—триста лѣтъ, но придетъ. И вотъ наше настроеніе снова такъ близко подходитъ къ этой хмурости, снова мы объаты тоскливой надеждою, и поэтому идемъ къ Чехову.

Но это не совсѣмъ вѣрно. Да, въ жизни снова вторгнулись сумерки и снова стали мы отчасти хмурыми. Но сумерки сумеркамъ рознь. И хмурость бываетъ разная. И теперьшняя совсѣмъ не та, что была прежде. Тамъ, за гранью десятилѣтій, властвовала въ большой мѣрѣ безнадежность, потому что только при безнадежности можно усыплять себя надеждою—да и надежда ли это!—на то, что будетъ «черезъ двѣсти—триста лѣтъ». Теперь этой безнадежности нѣтъ. Цѣлы жизни, путь извѣстенъ, вотъ только на этомъ пути рвы и ухабы—и ихъ нужно какъ-нибудь обойти: перепрыгнуть или мосты настлатъ. Но перейти можно. И если есть хмурость, то она идетъ отъ какихъ-то иныхъ, внутреннихъ причинъ. Она идетъ отъ запросовъ сердца. Что-то внутри опять неладно—и щемитъ тоска мучающееся сердце. Вотъ это-то неладное и дѣлаетъ насъ хмурыми. Есть вѣдь запросы сердца, которые не всегда лежатъ въ области объективнаго. Существуютъ особенные, исключительные запросы сердца. Какіе-то порывы куда-то. Какая-то тоска о чемъ-то. Это непреходящіе порывы. И имъ отивчалъ съ исключительной чувствительностью Ант. П. Чеховъ.

Онъ сердцу нашему многое говоритъ—вотъ въ чемъ причина его власти надъ нами. Онъ сердеченъ—вотъ почему мы такъ привыкли сопрягать творчество его съ нимъ самимъ. Мы живемъ его героями, а за ними неизмѣнно всегда видимъ его задумчивое и милое лицо. Мы смѣемся вмѣстѣ съ нимъ надъ мелочами—о, какими влѣстными!—жизни,—и въ смѣхѣ его чувствуемъ боль, его боль. Онъ намъ нѣтъ.

За границей давно познали Л. Толстого, потому что онъ писалъ объ ищущей Россіи. Тамъ понимаютъ О. Достоевскаго, вскрывавшаго больную Россію. Но Чехова тамъ совсѣмъ не понимаютъ или понимаютъ только отчасти, потому что онъ писалъ о тоскующей Россіи. Онъ писалъ о тоскѣ, которая понятна только тѣмъ, кто ее объятъ.

Самъ онъ не сразу пришелъ къ своей тоскѣ. И объясняя эту власть тоски надъ нимъ, С. Елпатьевскій въ своихъ воспоминаніяхъ думалъ—тремъ фразами вскрываетъ причину «хмурости», «сумеречности» Ант. П. Чехова:

«Несомнѣнное несчастье для Чехова—говоритъ онъ,—то, что онъ родился въ Россіи. Съ его жадностью къ жизни, къ краскамъ ея, съ его проникновеніемъ красоты, съ его огромнымъ дарованіемъ и чисто художественнымъ темпераментомъ онъ развернулся бы во всю ширь своего таланта и расцвѣлъ бы во всю красоту своей художественной натуры тамъ, гдѣ много солнца и красокъ жизни, гдѣ ничто не мѣшаетъ расти тому, что можетъ расти, гдѣ не возмущается на плечи человека ноша, которой онъ не можетъ нести. А онъ жилъ въ сумеркахъ русской жизни».

Да, въ сумеркахъ русской жизни. Но не провалился онъ въ нихъ, не обрушился на нихъ гайломъ и негодованіемъ. На то онъ былъ человѣкомъ великаго сердца. Любящее и многообъемлющее сердце билось въ его груди. И какъ образно и ярко сказалъ о немъ М. Горькій!

«Мимо всей этой скучной, сѣрой толпы безсильныхъ людей прошелъ большой, умный, во всему внимательный человѣкъ, посмотрѣлъ онъ на этихъ скучныхъ жителей своей родины и съ грустной улыбкой, тономъ мягкаго, но глубокаго упрека, съ безнадежной тоской на лицѣ и въ груди, красивымъ и искреннимъ голосомъ сказалъ:

— Скверно вы живете, господа!

Стыдно такъ жить!..»

Десять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того яснаго лѣтняго дня, навоеннаго запахами творящей земли, когда коротко, но обжигающе, прозвучала вѣсть: умеръ Чеховъ. И развѣ ушла отъ насъ любовь къ нему, и развѣ не чувствуемъ мы трепетъ его сердца въ трепетъ своихъ сердецъ? И пусть даже совсѣмъ уйдутъ сумерки нашей жизни—а они уйдутъ!—пусть заблеститъ солнце и зацвѣтетъ наша жизнь—вѣсь ми нѣтъми навсегда.

Потому что близкіе сердцу не умираютъ.

А кто намъ ближе его?..

Исаакъ Г.

## Близкій сердцу.

(Памяти А. П. Чехова).

1904—2-го июля—1914.

«Умеръ онъ спокойно, безъ страданій, среди тишины и красоты лѣтняго расцвѣта, который такъ любилъ всегда. И когда умеръ, выраженіе счастья появилось на его сразу помолодѣвшемъ лицѣ...»

(Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ Н. Бунина).

«Чеховъ умеръ,—говоритъ составитель сборника «О Чеховѣ» В. Брандъ,—въ тотъ моментъ, когда умирала чеховская Россія. Умирала медленно, тихо, незамѣтно, подъ салютомъ, несшимся съ Дальняго Востока».

Это была смерть, всколыхнувшая всю мыслящую Россію, смерть, горько поразившая какъ разъ тогда, когда, казалось бы, чувства уже привыкли ко всякимъ горькимъ пораженіямъ. На передовыхъ позиціяхъ въ арміи, военноморской вѣсти: «умеръ Чеховъ!» ударила больно по сердцамъ и послоняла собою окружающее. А на передовыхъ позиціяхъ русской культуры она оставила неизгладимые слѣды.

Ушелъ крупный человѣкъ, ушелъ представитель зрѣлаго творчества, носитель славныхъ идеаловъ русской литературы, ушелъ наиболее полно и глубоко отразившій въ себѣ особенности этого слоя населенія—русскій интеллигентъ.

И вотъ десять лѣтъ, отдѣляющіе отъ того яснаго и солнечнаго лѣтняго утра, когда провѣснлась, сѣла на своемъ пути стланную скорбь, вѣсть: умеръ Чеховъ,—эти десять лѣтъ не могутъ выравнять эту скорбь.

Десять лѣтъ, прошедшіе со дня смерти А. П. Чехова, были нашей своеобразною эпохой этихъ десяти лѣтъ одна Россія и вмѣсто нея народилась другая; рѣшались и доходили до своего апогея надежды, осуществлялись и снова нивелировались въ бездну,—и снова расцвѣтали надежды. Сдвигались литературные вкусы и школы, то распускались пышными розами, то ядовитыми мушкетерами, а то и вовсе безцвѣтными вертополохами. Провозглашались въ этикетъ лозунги за лозунгомъ—и не было провозглашалось, но и собирались вокругъ себя адептовъ, которые болели, горѣли, сгорали.